

— Хуй ее знает... — сказал Толстый. Он был бывший бандит и называл Стрелку «марухой». — Может, загуляла...

— Мож, и так, — сказал Беспалый. В прошлой жизни он был токарь. Или фрезеровщик. Какая теперь разница? Он был самый старый и называл Стрелку «дочкой».

— Ушла от нас, сука, — сказал Пушкин. Когда-то он был поэт и до сих пор любил выражаться красиво. Стрелку он называл «стрелкой».

Трои нелюдей сидели на железнодорожной насыпи, возле рельсов, по которым давно уже ничего и никуда не ходило. Это было очень спокойное место. Они привыкли к нему и коротали здесь короткое московское лето. Стрелка была четвертой, и по вечерам, распив, что было, они говорили со Стрелкой или ебали ее по очереди. Толстый — грубо, Беспалый — любезно. А у Пушкина через раз вообще ничего не получалось. Слабый организм, одно слово — поэт.

— Или менты повязали. — сказал Толстый.

— Да не трогают ее, сам знаешь, — отозвался Беспалый.

— Надо искать. — сказал Пушкин.

— Чево? — удивился Толстый.

— Искать надо, — повторил Пушкин и насупился.

— Ага. — сказал Толстый. Под кожурой щек замаячил желтый собачий клык — Толстый улыбался. — В розыск объявить. Всесоюзный.

— В розыск, не в розыск, а искать надо, — зло повторил Пушкин.

— Где? — резонно проронил Беспалый.

Пушкин знал одно место, но промолчал. У Толстого тоже шевельнулась мыслишка, он подцепил ее ногтями, как вошь, и раздавил молча. Она вякнула и осталась жить. Беспалый посмотрел на рельсы и почему-то сказал:

— Осень скоро.

— Ага, — проворчал Толстый. Оба подумали о подъездах, у каждого на примете были варианты.

— Я помню чудное мгновенье, — сказал Пушкин.

— Чево?

— Надо искать, говорю.

— Ну иди, бля, ищи. И тебя повяжут.

— Может, она дохлая валяется где ни будь, — не унимался Пушкин. — Закопаем хоть.

— Да иди ты, — сказал Беспалый. Он был самым старым и слово «дохлый» не любил больше всех.

— Тут такой грунт, неделю копать будешь, — заметил Толстый со знанием дела.

Беспалый достал полфлакона тройного. Сделали по глотку, крякнули, закурили свои бычки. Разговор не клеился. Не было Стрелки.

Со стороны вокзала доносился размазанный эхом голос дикторши, которая говорила что-то о поезде на Киев. С площади были слышны другие городские сверчки — клаксоны, ругань, скрежет тормозов. Где-то там была Стрелка, это мешало им расслабиться.

— Я пошел. — Пушкин докурил до фильтра, поперхнулся и встал.

- Повяжут, — меланхолично заметил Толстый.
- Пусть вяжут, — сказал бывший комсомолец. — Заодно у ментов про нее разузнаю.
- И я пойду, — сказал Беспалый. — Знаю одно местечко.
- Идите. Я тут подожду, — сказал Толстый, укладываясь. — Тройной оставь, замерзну.
- Щас, — прогулумился Беспалый.

Две фигуры, пошатываясь, ушли к вокзалу, где у каждого в метро был свой человек. Толстый, которому каждый раз приходилось ругаться на входе, остался лежать на насыпи. Через пять минут он уже спал, пользуясь случаем, в защитном поле собственной вони.

Пушкин отправился на уличку в центре, куда однажды забрел со Стрелкой. Она сама привела его на это место, потом достала заветные, небывалые поллитра настоящей водки и поделилась с ним. Они спрятались в тень от греха подальше и сидели там тихо, как мыши, стараясь не булькать во время редких глотков. Стрелка все поглядывала на окна напротив, особенно, когда водка начала греть. Окна были занавешены, и Пушкин не мог взять в толк, чего она в этих окнах такого нашла. Ему захорошело тогда, он дождался полной темноты и полез к Стрелке, чувствуя, что на этот раз все получится. Но она шепотом послала его на хуй и долго сидела, как сова, глядя в эти свои дурацкие окна. Он не заметил, как заснул, а проснулся уже один, ранним холодным утром.

Сегодня Стрелки на месте не оказалось. А окна были тут как тут, куда им деться. Окна — штука вечная, пока дом стоит, они светятся. На этот раз они не были зашторены, и Пушкин мог всласть налюбоваться на какого-то мужика, который кормил ужином девчонку лет двенадцати. Пушкин облизнулся на еду и пошел обратно. Он не знал, где еще можно найти Стрелку. Идти в милицию он не хотел по понятным причинам.

Беспалый тем временем пробрался на Ваганьково. Однажды он встретил там Дочку, когда сидел в гостях у своих мертвцевов. Она не заметила его, прошла тихонько мимо и присела поотдаль у маленькой плиты. Посидела, поплакала и ушла. Он пошел следом, у «905-го года» нагнал ее и предложил по глотку тройного. Она согласилась, глотнула, и остаток вечера они прошатались по городу, пока не нашли место для ночлега.

Беспалый запомнил, где присаживалась Дочка, и сейчас отправился прямо к могиле. На плите было что-то написано, но Беспалый забыл буквы. Он глупо просидел полчаса, разговаривая с незнакомым покойником, и отправился восвояси. Дочка не пришла. Беспалый решил не искушать судьбу в метро и отправился на Киевский пешком.

Вечерело. «Поезд на Львов отправляется со второго пути...» — услышал Беспалый. На языке нелюдей это означало: «Вечереет. Пора спать...» Он ускорил шаги и через пять минут увидел знакомую насыпь.

Толстый, Пушкин и Дочка сидели у костра, сложенного из обломков ящиков. Дочка всхлипывала, трогая свежий фингал под глазом, Пушкин меланхолично курил, а Толстый самодовольно усмехался. По всему было видно, что фингал — его работа.

— Вот, — всхлипнула Стрелка. — Моталась за окружную, хотела вас грибами угостить, а он...

Толстый привстал:

- Еще хочешь? Молчи, сука.
- Грибы то остались еще? — спросил Беспалый, косясь на костер.
- Остались, — буркнула Стрелка. — Садись, у нас и пиво есть.
- Ого! — сказал Беспалый, понимая, что без его тройного и пиво — не пиво. Сел, устроился поудобнее и уставился в костер.

Пьяная Стрелка вяло хлопотала над грибами. Толстый самодовольно щурился. А осень, увы, действительно была не за горами.

— Передо мной явилась ты... — сонно сказал Пушкин.

— Поезд на Черкассы отходит с четвертого пути, — сонно откликнулась дикторша. © Mr. Kiss, Сто осколков одного чувства, 1998—1999гг